

Заселение Новолинейного района Оренбургского казачьего войска в официальных документах и исторической памяти

А. А. Рыбалко, О. В. Новикова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

1830—1840-е гг. были чрезвычайно важным этапом в истории Оренбургского края. В этот период состоялось сооружение Новой Оренбургской пограничной линии, создание Новолинейного района и реформа Оренбургского казачьего войска, в результате которой была сформирована единая войсковая территория с преимущественно казачьим населением.

По истории формирования Новолинейного района существует достаточно много исследований. Большинство из них написано на материалах документальных источников официального происхождения. Но, на наш взгляд, понимание реальной ситуации невозможно без анализа такого важного источника, как историческая память. Она сформировалась на основе устных рассказов участников событий, сохранившихся в памяти потомков.

В данной статье делается попытка получить реальную картину происходившего на основе сопоставления письменных источников, в большинстве своём составленных чиновниками, осуществлявшими переселение, и устных рассказов переселенцев, сохранившихся в исторической памяти потомков.

Ключевые слова: *Оренбургское казачье войско, Новая пограничная линия, историческая память, документальные источники.*

1830—1840-е гг. были чрезвычайно важным этапом в истории Оренбургского края, временем, очень насыщенным разнообразными событиями. В этот период состоялось сооружение Новой Оренбургской пограничной линии, создание Новолинейного района и реформа Оренбургского казачьего войска, в ходе которой было изменено его военно-административное устройство и сформирована единая войсковая территория с преимущественно казачьим населением.

Конечно, эти события не были абсолютно уникальным явлением в российской истории, к этому времени государство имело обширную практику активного вмешательства в этно-социальные процессы, интенсивно влияя, а зачастую и определяя структуру населения целых регионов. Подобные практики уже применялись ранее на Южном Урале, в других частях империи: в Сибири, на Кавказе, на юго-западе: в Причерноморье и в Бессарабии, чуть позже на Дальнем Востоке и в Туркестане. Но и на этом фоне наши местные масштабы выглядят впечатляюще: реформы затронули изменение сословного статуса и/или переместили большие массы населения от Среднего Поволжья до степного Зауралья. Так или иначе эти события оказались вольно или невольно вовлечены десятки тысяч человек.

Расширение Оренбургской губернии за счёт включения «киргиз-кайсацких земель» и центрация казаков на прилинейных территориях начались несколько раньше: в 1805—1806 гг. проводилось переселение казаков из внутренних областей на оренбургскую линию (всего было переселено не менее 1600 человек) [Новикова, Рыбалко, Самигулов, Кучевасова, 2018, с. 14], в 1810—1829 гг. осуществлено заселение включённого в состав Оренбургской губернии Новоилекского района [Кортунов, 2013, с. 13—17], однако наибольшие масштабы эта политика приобрела в ходе создания Новой пограничной линии и заселения Новолинейного района

По истории формирования Новолинейного района существует достаточно много исследований, написанных на основании документальных источников официального происхождения. Однако понимание реалий невозможно без приобщения и анализа такого важного, на наш взгляд, источника, как историческая память. События, в ходе которых многолюдные семьи с детьми, стариками, движимым имуществом, домашним скотом переселялись на 500—700 вёрст восточнее из обжитых районов в целинную степь, где должны были обжиться, обустроиться на «пустом» месте и через два года начать нести службу, обеспечив сыновей

всем необходимым для службы за собственный счёт, не могли не оставить следа в коллективной памяти.

Историческая память о переселении сформирована на основе устных рассказов участников событий, сохранившихся в памяти потомков. Сюжеты о переселении в Новолинейный район были зафиксированы этнографической экспедицией ЧелГУ в 1990—2000 гг. на территории бывшего Новолинейного района в устных рассказах информантов 1900—1910-х гг. рождения, чьи деды и бабки были привезены на новые места детьми. Т. е. наши информанты застали людей, которые помнили эти события по детским воспоминаниям и частично передавали в устойчивых сюжетах устных рассказов старших родственников. К счастью, в распоряжении авторов есть ещё один уникальный источник информации: рукопись Н. Ф. Утешева, жителя с. Кассель Нагайбакского района, родившегося около 1880 г., и в середине XX в. составившего несколько вариантов краеведческих записок, отражающих историю и традиционный быт нагайбаков, исторические события конца XIX — начала XX вв., свидетелями которых ему довелось быть [ПИМА Утешев Н. Ф.]. В своих записках автор несколько раз обращается и к событиям переселения нагайбаков на Новую линию, пытаясь построить стройную картину событий, интегрируя факты из имевшейся в его распоряжении литературы и многочисленных рассказов очевидцев. В данном случае важно, что Н. Ф. Утешев фиксирует рассказы тех, кто участвовал в переселении в сознательном возрасте взрослыми людьми. Они ярко врезались в его память эмоциональными картинками, но отдельные конкретные даты и факты стёрлись из памяти, т. к. значительную часть этих рассказов он слышал в детстве. Особенно это интересно в связи с тем, что его ближайшие предки оказались в самом центре событий.

Сопоставляя письменные источники, составленные чиновниками, которые осуществляют переселение, и устные воспоминания непосредственных участников, сохранившиеся в исторической памяти потомков, на наш взгляд, можно получить более реальную картину происходившего в её человеческом измерении.

Кстати, чиновникам середины XIX в. нужно отдать должное: они пытаются ответственно подойти к выполнению задачи, учесть все нюансы, принять во внимание хозяйственные и иные нужды переселенцев, о чём свидетельствует значительный корпус документальных источников: архивные документы о переселении; изданные типографией департамента военных поселений

в Санкт-Петербурге в 1843 г. «Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопехотных солдат и солдатских малолетков» [Правила о переселении..., 1843]; законодательные акты, определившие события в Оренбургском крае в 30—40-е гг. XIX в.

В этих материалах содержится целый ряд очень интересных сюжетов, многие из которых, однако, придётся вывести за рамки данной статьи, сосредоточившись на обстоятельствах переселения в Новолинейный район.

Создание Новой Оренбургской пограничной линии связано с идеей Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, которому удалось убедить императора Николая I в целесообразности перенесения границы на 100—150 верст вглубь киргизской степи. Новая линия была сооружена в 1835—1837 гг. и прошла от Орской крепости на реке Урал на северо-восток по степи, пересекая приток Урала Кумак и притоки Тобола Жилкуар и Большой Аят, до Березовского укрепления на Уйской линии, расположенного примерно в 100 верстах от города Троицка, напротив впадения реки Тогузак в Уй. Линия должна была состоять из пяти дистанций. Между укреплениями располагалась кордонная стража на специально установленных редутах и пикетах с промежутком в 5—10 верст. Летом 1835 г. началось сооружение укреплений, казарм и жилых домов на Новой линии, которое было продолжено в 1836 г., «власти края приступили к заселению укреплений и прилинейных станиц, не дожидаясь окончания строительных работ» [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 94]. Согласно плану В. А. Перовского, нести службу на Новой линии должны были казаки. В соответствии с чем в поселения на линии, основанные в 1835—1837 гг. и названные в честь лиц императорской фамилии: Надеждинский, укрепление Михайловское, Алексеевский, укрепление Николаевское, Константиновский, Владимирский, Георгиевский, укрепление Наследницкое, Мариинский, Андреевский, Атаманский, Павловский, укрепление Императорское и др. — были поселены солдаты четырех упраздненных поселенных линейных батальонов: Верхнеозерного, Таналыцкого, Магнитного и Степного, перечисленные в казачье сословие [Казин, 1992, с. 239]; они «составили костяк гарнизонов станиц и укреплений и их первых жителей», хотя А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов приводят обоснованные сомнения в боеспособности и эффективности самообеспечения этой группы. Одна из причин состояла в раздроблении хозяйств в результате переселения, отчего тягловый скот

и сельскохозяйственные орудия зачастую оставались на прежнем месте жительства «у отцов и старших родственников», другая — в преклонном возрасте части солдат [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 96—97]. Поэтому для улучшения ситуации было решено перевести на линию часть казаков внутренних кантонов. В 1838 г. В. А. Перовский представил доклад военному министру, в котором обосновал необходимость упразднения внутренних станиц 3, 4, 5 кантонов и переселения на Новую линию 4152 душ м.п. Из Уфимской, Табынской, Елдятской, Нагайбацкой и Бакалинской станиц 3 кантона планировалось перевести 1317 казаков, из Новосергеевской, Переволоцкой — 416 и из пятого кантона (Самарская, Алексеевская, Мочинская, Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая и Сорочинская) — 2419 казаков [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 98].

Таким образом предлагалось упразднить целый ряд станиц оренбургских казаков 3-го, 5-го и частично 4-го кантонов, находившихся в Предуралье и на Средней Волге от Красноуфимска до Уфы и Самары, оказавшихся на значительном удалении от Оренбургской пограничной линии с переводом казачьего населения на Новую линию. Эта идея была одобрена властями, но не встретила понимания среди казаков. В ряде внутренних станиц казаки под разными предлогами отказывались покидать обжитые места. Спротивления казаков удалось сломить, опираясь на силу: зачинщики были подвергнуты телесным наказаниям, некоторые имеющие чины были разжалованы, другие (казаки станицы Елдяцкой) были отправлены на новые места под вооружённым конвоем [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99]. В итоге к 1840 г. на Новую линию было переселено 45 зауряд-офицеров, 48 урядников, 836 казаков и 1186 отставных [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99].

В 1840 г. было принято Положение об ОКВ, в котором была определена черта земель ОКВ и предписано «для избежания чрезполостности в землях и населении... и для устранения происходящих от этого неудобств» на войсковой земле оставить только лиц казачьего сословия, а не казачье население отселить [ПСЗ II, т. XV, № 14041]. В состав земель ОКВ были включены все «земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границы Сибири до пределов Уральского казачьего войска, в глубину линии не менее 15 вёрст.

Фактически всему не казачьему населению, проживающему на определённых указом землях ОКВ, был предоставлен выбор вступить в казачье сословие или выселиться с вышеозначенных земель.

Людам, не вошедшим в состав войска, запрещалось «иметь на землях оною постоянную

оседлость и пользоваться поземельными дольствиями, казачьему сословию присвоенными». Соответственно те, кто не пожелал перечислиться в сословия казаков или те, кому было отказано, обязаны были переселиться на свободные казённые земли, которые для этого будут указаны правительством. Государственным крестьянам предоставлялись на это установленные от казны льготы и пособия [ПСЗ II, т. XV, № 14041].

Согласно этому же положению, в состав земель ОКВ вошли и территории между старой и новой линиями, получившие название Новолинейного района. А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов приводят сведения, согласно которым в 1830-е гг. в момент сооружения Новой пограничной линии межлинейную территорию (земли между старой и новой линиями) заселять не предполагалось и казахские старшины получили заверения о возможности выпаса скота на этой территории без ограничений [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 100—101], однако это безусловно был манёвр, власти, понимая невозможность быстрого заселения всей обширной территории, на первом этапе сосредоточились на том, чтобы «прежде всего занять фланги постоянными укреплениями», а затем и заселить всё пространство «...исподволь в течении нескольких лет» [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 90—91].

В 1841 году в линейные поселения от Орской крепости до Михайловского укрепления переселены ещё 62 офицера и чиновника, 122 урядника, 1654 служащих и 2204 отставных казака. Всего из внутренних станиц на линию были поселены 6800 человек [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99].

В 1842 г. началось заселение межлинейного пространства — Новолинейного района. Туда предполагалось «безусловно» переселить оставшееся казачье население упраздняемых станиц, а земли их старых станиц передавались в ведение Министерства государственных имуществ [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 1 об.]. Всего по плану войскового начальства переселению в Новолинейный район подлежало 3752 казака мужского пола из станиц Бакалинской, Бузулукской, Нагайбакской, Ольшанской, Самарской, Сорочинской, Табынской, Тоцкой, Уфимской, Алексеевской и др. [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 68—103].

Кроме того, проживавшим на территории внутренних кантонов числящимся по военному ведомству белопахотным солдатам и солдатским малолеткам также предлагалось по желанию перечислиться в казаки Оренбургского войска и переселиться на новую линию, а не пожелавшие перечислялись в государственные крестьяне и передавались в ведомство Министерства государственных имуществ. Администрация края

рассчитывала, что «по всем вероятностям большая часть солдатских малолетков, всегда чуждавшихся податного состояния воспользуется возможностью перейти в казачье сословие». По 7 ревизии их насчитывалось 14 тысяч душ. По расчётам чиновников «по крайней мере половина из них должны были согласиться», тем более что надел казака составлял 30 десятин, а государственных крестьян, например, в Троицком уезде 15 десятин [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 17]. Реально на переход в казаки и переселение согласились 7955 душ мужского пола, остаться на старом месте с перечислением в государственные крестьяне предпочли 7888 душ мужского пола [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 156—156 об.].

На освободившиеся после переселения казаков и перечислившихся в казаки белопахотных солдат и солдатских малолетков земли бывших внутренних кантонов как раз и предлагалось переселиться государственным крестьянам и другому не казачьему населению земель ОКВ, не пожелавшим вступить в войско.

Таким образом, в 1841—1845 гг. фактически за пять лет было почти одновременно осуществлено переселение всего наличного казачьего населения упразднённых станиц внутренних кантонов, преимущественно в Новолинейный район; перевод в ОКВ и переселение в Новолинейный район казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска; перевод в казачье сословие лиц других сословий на всей территории войска; переселение крестьян, не пожелавших вступить в казаки, с территории войска на освободившиеся после выхода казаков земли упразднённых станиц и заселение казаками территорий в черте земель ОКВ, с которых выехали государственные крестьяне, «не изъявившие желания поступить в Оренбургское казачье войско» [Правила о переселении..., с. 5].

Конечно, в ходе осуществления реформ администрация столкнулась с целым рядом проблем. Однако в целом план реформирования территории и населения был проведён достаточно успешно.

В Новолинейном районе в 1842—1843 гг. были основаны первые 32 населённых пункта, которые первоначально значатся в документах под номерами от 1 до 32, а затем названы в честь тех мест, где русское оружие когда-либо одерживало победы, в том числе Парижский, Берлинский, Варненский, Куликовский, Чесменский, Лейпцигский и др.

Власти края старались по возможности назначить «удобные места к водворению казаков целыми станицами, чтобы не раздроблять их на разные части, но доставить средство жить по-прежнему вместе и пользоваться выгодами взаимного вспомоществования» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273,

л. 73 об]. Возможно приняли во внимание неудачный предыдущий опыт, приведший к раздроблению и в следствии этого к обеднению хозяйств.

Первым делом на территорию Новолинейного района были направлены команды для выбора мест под поселения. Команды под началом войсковых старшин И. А. Авдеева, Ковалевского и И. П. Лябзина произвели осмотр местности и назначили места для будущих поселений [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 51—54 об.] в соответствии со следующими требованиями: «В летнее и зимнее время в достаточном количестве годная к употреблению вода; <...> избыточные для хлебопашества земли и луговые места, <...> полагая на каждую душу одной удобной земли не менее 30 десятин и с расчётом на умножение народа; необходимое количество леса для устройства хозяйственных заведений...» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 148]. При этом расстояние между станицами должно было составлять не менее 20 вёрст. Была проведена геодезическая съёмка участков и определено примерное количество первоначально заселяемых. О чём были составлены соответствующие ведомости. При этом к описанию участков сделано примечание, которое позволяет представить, что ресурсы самообеспечения на этой территории оценивались достаточно высоко: «1. Во всём пространстве предполагаемых к заселению мест грунт земли большей частью солонцеватый, каменистый и песчаный. Производить хлебопашество подряд большими количествами невозможно, но <...> в показанном в ведомости пространстве разрабатывать участками удобно и в достаточном количестве; 2. Дорога вообще во всём пространстве этой линии плоско-гористая, для провоза удобная; 3. Переправы и мосты должны устраиваться в самих селениях на значащихся реках без больших затруднений и необременительно; 4. Леса вообще не сплошные, разной величины, колками. При сбережении весьма в достаточном количестве. На дрова и для мелкой постройки имеется много валежнику, бурелому и сухостою» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54 об].

Нужно отметить, что рекогносцировочная работа была проведена достаточно качественно. Насколько нам известно, только два посёлка из тридцати двух были перенесены на другие места. По словам информаторов, спустя короткое время выяснилось, что место для п. Варненского и п. Кацбахского весной в половодье затапливается, и посёлки были перенесены поблизости на не затапливаемые участки [ПМА Плотникова М. И.]. Эти сведения подтверждаются тем, что описания местоположения поселения № 9 в ведомости, составленной по результатам рекогносцировки,

действительно не совпадает с современным положением п. Кацбах, который должен был расположиться в 1,5 км от слияния рек Куйсак и Сарым-Саклы [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54 об.], а реально находится примерно на 10 км юго-восточнее, выше по течению реки Зингейка, как сейчас на картах называется река Сарым-Саклы.

Решения о «безусловном» переселении всех казаков упраздняемых станиц были доведены до сведения подлежащих переселению, которые по понятным причинам встретили их с неудовольствием.

Среди потомков новолинейных казаков устные рассказы о переселении сохраняются до настоящего времени. Все информаторы 1900—1910 гг. рождения рассказывая об основании своих посёлков называли своих предков «переселенцами». Даже те, кто не приводил подробно обстоятельств переселения, чётко транслировали в усвоенных терминах недобровольный характер переселения: никогда не используя в рассказе вариант «переселялись», а указывая что «их» («наших») сюда «переселяли», «выселяли». Так, Ложкина Ксения Фёдоровна 1909 года рождения из п. Кацбах начала свой рассказ об основании посёлка очень типично: «А вот дедушка рассказывал. Он прислатый сюда двенадцати лет. Высылали, говорит, нас насильно...» [ПМА Ложкина К. Ф.]

Особенно явно несогласие на переселение пытались высказывать казаки-нагайбаки. Информацию об этом находим в записках Ф. М. Утешева: «Во исполнении распоряжения центра от Оренбургской губернии в состав межгубернской комиссии был командирован в г. Уфу есаул Ершов. По прибытии Ершова в Уфу Уфимское начальство в свою очередь членом в комиссию выдвинуло поручика Чижова и снабдив их широкими правами по вербовке переселенцев командировало их сначала в Бакалинский уезд. В вербовочную комиссию и от уезда были влиты члены. Комиссия начала свои действия сначала с добровольной записи переселенцев. Собирали мирские сходы — собрания, на которых комиссия объявляла льготные условия переселенцам. За отсутствием добровольцев на переселение комиссия начала действовать согласно данных ей полномочий, в которых значилось «если на добровольное переселение желающих не окажется, то проводить насильственную запись. А если при проведении указанных мероприятий будут сопротивляющиеся, то таковых беспощадно бить розгами по 50—100 ударов каждого, смотря по степени сопротивления» [ПМА Утешев Ф. М.]

Здесь автор сообщает информацию неточно. В 1842 г. и речи не шло о добровольности переселения, казаки подлежали переселению «безус-

ловно». Возможно, в данном случае рассказы родственников соединились в сознании автора со сведениями из литературы, в которой речь шла о событиях первого десятилетия XIX в., когда переселение казаков из Предуралья, в том числе из Нагайбакской крепости действительно было относительно добровольным. В результате того переселения сформировалась группа нагайбаков в Оренбургском и Орском уездах, которая впоследствии, оказавшись поселённой в посёлках вместе с татарами-мусульманами, отошла от православия и слилась с местными татарами [Белорусова, 2016, с. 45—58]. Да и комиссия не могла быть «межгубернской». В то время вся эта территория входила в состав Оренбургской губернии. Правда военный губернатор находился в Оренбурге, а гражданский в Уфе, там же находилась и губернская палата государственных имуществ, так что представитель её действительно мог быть включён в комиссию, т. к. земли упразднённых кантонов передавались в ведение министерства государственных имуществ. В любом случае комиссия и разбирательства всё-таки имели место. Архивные документы свидетельствуют, что казаки Бакалинской станицы подали прошение на имя Государя императора с просьбой не переселять их на Новую линию и пытались разыскать копию указа о даровании им мест их настоящего проживания в вечное наследственное владение в виде награды за верную службу. Для этого выборные от казаков Бакалинской крепости во главе с казаком Тептеевым собирались в Петербург. Об этом было доложено и проведено расследование, в ходе которого были внимательно изучены, приведённые в деле документы XVIII в. о наделении новокрещенных казаков во главе с атаманом Андреем Ерёминим землёй для Нагайбакской крепости, станицы Бакалинской и прочих деревень (всего 12 населённых пунктов с населением 600 человек) «из земель башкирцев, бывших в бунте. За них башкирцам ничего не платить, т. к. оные новокрещенные много от них претерпели». Таким образом был сделан вывод, что «земля им была дана за службу и за претерпение разорения вместо жалования для того, что они определены на казачью службу» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 228—230].

К казакам Нагайбакской крепости были направлены официальные лица для разъяснения того, что они не имеют особых наследственных прав на земли и подлежат переселению в соответствии со всеми другими казаками. В связи с чем было решено просьбу казаков во главе с Тептеевым оставить без внимания, но казаков не наказывать, так как они чистосердечно раскаялись [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 415].

Указанный в деле казак Тептеев оказался делом Ф. М. Утешева по матери, и приводимый ниже рассказ Ф. М. Утешева о происходивших событиях услышан им в значительной степени от самых активных участников волнений. «В силу указанных уполномочий комиссия <...> приступила к насильственной записи на переселение в районы города Верхнеуральска Оренбургской губернии. Причём записанным комиссия объявила о льготах и предупредила, дав при этом на размышление одни сутки. На другой день снова был собран мирской сход, на котором выяснилось, что записанные от переселения отказались. Видя такой раскол среди жителей, комиссия принялась опрашивать каждого записанного в отдельности. Из показаний записанных выяснилось, что гр.гр. этого села Тептеев Н. В. (это дедушка по матери автора), Исаев К. Ф., Леонтьев Я. Г. и другие (всего в числе семи человек) ходили по домам записавшихся на переселение, расстраивали и запугивали их. В виду таких разлагательских действий со стороны отдельных гр.гр., комиссия начала опрос виновных, а именно Тептеева Н. В., Исаева К. Ф., Леонтьева Я. Г. и др. Но указанные себя виновными не признали. Ссылаясь на свидетельские показания, комиссия приступила к более серьёзному опросу виновных — разлагателей, при этом есаул Ершов пускал в ход нагайку, даже и кулак. Наконец собрание почти единогласно заявило комиссии, что главными виновниками тяжёлого вопроса по переселению являются все указанные семь человек. По обычаю, существующим законам того времени комиссия приказала доставить на место, где происходил сход, две скамьи и свежих лоз. Затем комиссия объявила, что виновников расстройства желающих на переселение, а именно Тептеева Н. В., Исаева К. Ф., Леонтьева Я. Г. и др. в числе семи человек решено наказать по 50 ударов розгами каждого, после чего всех семерых записать в список на переселение. После проведённых мероприятий комиссия задала вопрос: “Кто из записанных не желает переселиться сделайте шаг вперёд”. Но никто из записанных вперёд не шагнул. “Что все согласны на переселение?” — был задан вопрос. Записанные все в один голос заявили: “Да. Согласны!” Отобрав от записанных подписки о срочной высылке в пределы г. Верхнеуральска ходоков для осмотра земельных участков, которые давно уже были нарезаны и запланированы, комиссия выбыла в другой уезд» [ПМА Утешев Н. Ф.].

Также Ф. М. Утешев приводит старинные песни нагайбаков, в которых, по его мнению, фиксируется недовольство по поводу переселения на новые места:

Алты таган агачы
Жиденчеге аның тубәсе
Киләсе елда бу вакытта
Без әллә кайсы илдә буласы

В переводе на русский язык это значит:

Шесть ножек качели,
А седьмой — её верх.
В будущем году в это время,
Мы где будем, неизвестно
[ПМА Утешев Н. Ф.].

Атландым атның биленә
Языгдым Яек жиренә,
Яек жире жир тугел.
Кантыр идем туган илемә

Сел на спину коня,
Записался на Яицкие земли,
Яицкая земля очень плохая,
Вернутся бы на свою Родину
[ПМА Утешев Н. Ф.].

Если первую песню можно считать философским размышлением общего характера, то вторая однозначно описывает эмоции в связи с необходимостью покинуть родину и переселиться на Яик (Урал).

В другом варианте записок Ф. М. Утешев сообщает, что «сопротивление происходило ввиду того, что наши предки жили на потомственной земле, закреплённой за ними царским указом Екатерины II за выступление против Пугача Е. И.» [ПМА Утешев Ф. М.]. Несмотря на то что он ошибочно указывает Екатерину II вместо Анны Иоановны и вместо башкирских бунтов выступление Пугачёва, всё же мы видим из этого текста, что он был осведомлён об основном мотиве, на котором основывалось недовольство — лишение «потомственной земли, закреплённой царским указом», т. е. его дед вовсе не раскаялся, а, хотя и смирился с обстоятельствами, но своим потомкам рассказывал о том, что земли на «старой Родине» их лишили несправедливо.

До настоящего времени у нагайбаков сохраняются устные рассказы о красотах оставленных мест. И рассказ Ф. М. Утешева далеко не единственный подобный. Семейное предание краеведа А. М. Маметьева из Фершампенуаза повествует о том, что его предка сотника П. С. Маметьева, отказывавшегося переселиться, привезли на новое место поселения «в цепях под охраной» [ПМА Маметьев А. М.]. Видимо, данное семейное предание также описывает реальную ситуацию,

когда в соответствии с правилами уклоняющихся от переселения в указанные сроки полицейским чиновникам предписывалось высылать в назначенные пункты с письменным предписанием «под ведением надёжнейших из них людей» [Правила о переселении..., с. 24].

Казаки были расселены на новых местах достаточно компактно относительно мест прежнего проживания, что способствовало формированию такого специфического феномена исторической памяти, как фиксирование названий мест выхода переселенцев в топонимии новолинейных посёлков. Так центральная часть п. Рымник, куда, согласно документам, были переселены 200 душ м. п. из упразднённой станица Самарской [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 98 об] до настоящего времени называется Самария. В Фершампенуазе в названиях частей посёлка долго сохранялись названия поселений, в которых нагайбаки проживали до переселения в Новолинейный район: Бакалы, Илек, Умерле [Атнагулов, 2015, с. 47]. В Фершампенуаз были переселены 350 душ из станиц Нагайбакской и Бакалинской, к которым относились указанные поселения [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 103]. В других нагайбакских посёлках названия населённых пунктов выхода переселенцев сохраняются до настоящего времени как вторые названия: Кассель — Килий, Остролёнка — Сарашлы, Требия — Нугайбек. Такая ситуация характерна и для русских казаков, но у последних вторые названия быстро утратили функцию топонимов и превратились в обозначения групп жителей посёлков — прозвища. Однако их происхождение от названий их старых станиц было общеизвестным.

Так Ложкина Ксения Фёдоровна 1909 года рождения из п. Кацбах на вопрос: «А откуда переселяли? Из каких краёв?» Отвечала: «Из Сороки <...>, и нас и называют сороками. Это — говорят — сороки». Действительно, в Кацбах были переселены 176 душ из Сорочинской станицы [ПМА Ложкина К. Ф.].

В устных рассказах о переселении в описании новых мест, на которых оказались переселенцы, очень чётко фиксируются два параллельных мотива. С одной стороны, все информаторы чётко транслируют, что до прихода русских «тут киргизы жили» [ПМА Ковалевская М. Д.]: «Когда заселяли, тут киргизия жили» [ПМА Крюкова А. Д.] «...Пришли сюды. Тут был киргизский аул. Их выселили отсюда. А русских заселили» [ПМА Ложкарева С. Е.]. Но параллельно настойчиво звучит мотив неосвоенности природного пространства. Информаторы описывают дикую природу в

терминах «леса большие», «реки глубокие», наиболее явно этот мотив сформулирован Плотниковой Марфой Ивановной 1911 года рождения из п. Кацбах: «Тут была пустыня, тайга была» [ПМА Плотникова М. И.]. С одной стороны, новые земли осмысливаются как чужие на момент переселения, с другой стороны, как пустые. С точки зрения информантов здесь нет противоречия. «Пустыми» эти земли были с точки зрения оседлых земледельцев. Земли, на которых нет пашен, нет деревень — пустыня. Лесов в то время видимо действительно было заметно больше чем сейчас, но всё же это была не тайга. В этой дихотомии — чужой / пустой отражены и две основные проблемы, с которыми встретились переселенцы: хозяйственная неосвоенность территории и сложные взаимоотношения с вытесненным с привычных мест коренным населением — казаками. Отношения действительно были напряжёнными. У оренбургских казаков существует целый пласт фольклора о пленении казаками и судьбе пленников, а чаще пленниц, который заслуживает отдельного анализа.

Переселение с обжитых мест действительно явилось серьёзным испытанием для переселенцев. Конечно, и в прежней, и в дальнейшей истории России переселенцы, двигавшиеся с освоенных земель на восток и юг, сыграли чрезвычайно важную роль. Существует обширная литература, в которой речь идёт о том, что человек принимающий решение о переселении должен иметь особый психологический склад («человек фронта») или оказаться в жизненной ситуации, когда ему особо «нечего терять». Но если представить, что в данном случае все казаки вынуждены были сняться с хорошо освоенных мест, где жили несколько поколений предков, причём большинство в хороших домах, не испытывая недостатка в пахотной земле, сенокосах и выпасах, и, невзирая на особенности психологического склада, отправиться с малыми детьми и стариками зимовать в землянки в целинной степи, причём сделать это предлагалось в течении двух полевых сезонов, то трудности переселения выглядят очень реальными. Если попытаться посмотреть на них глазами участников, становится понятно, откуда взялись устойчивые, хотя и легендарные версии о внезапном быстром переселении, наиболее ярко выраженные в часто встречающемся в рассказах о переселении мотиве о пекущемся хлебе, оставленном в печи в старом доме: «так выселяли, что даже хлеб оставался в печи» [ПМА Ложкина К. Ф.], «даже хлеб остался у их в печи, не дали вытащить» [ПМА Плотникова М. И.]. Эту речевую формулу усвоили и повторяли, рас-

сказывая детям и внукам о переселении даже через 150 лет.

Эти семейные предания, безусловно, метафорически отражают реальные трудности переезда и обустройства хозяйства на новых целинных степных землях. Примечательно, что мотив хлеба, который подгорает в печи и его нельзя вытащить, встречается и в рассказах о гражданской войне, в тех посёлках, где велись активные боевые действия (хозяйка поставила хлеб в печь, начался обстрел, все спрятались в погребе (в хозяйственной яме во дворе, за посёлком во рву), и хозяйка переживает, что хлеб в печи горит, а вытащить нет возможности) [ПМА Воротинцева З. В.]. Таким образом этот сюжет превращается в некую метафору бедствия, которому человек не может противостоять.

Близкий сюжет рассказала В. Г. Леонтьева в музее с. Остроленка, где хранилась корневая прялка, относительно которой было записано семейное предание, что она привезена со старых мест: «Когда пришли переселять, хозяйка пряла, так так с этой прялкой и вышла из дому» [ПМА Леонтьева В. Г.].

Хотя на самом деле процесс переселения был довольно длительным. Войсковое начальство старалось учесть все реалии земледельческого хозяйства и переселение в документах названо «постепенный вывод казаков начиная с весны 1842 года» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 15].

Вероятно, Ф. М. Утешев в своей рукописи сообщает правдивую информацию, что первыми на новые места были направлены «ходоки» — представители от каждой станицы для осмотра участков и согласования конкретных мест поселения на новой линии, хотя конкретные сроки, когда это происходило, нуждаются в уточнении:

«Они из своей среды избрали ходоков для осмотра земель в Верхнеуральском уезде, куда в 1842 (исправлено на 1840) году и были отправлены выдвинутые ходоки из сёл... Ходоки летом 1840 (исправлено с 1941 г.) прибыв в г. Верхнеуральск, осмотрели назначенные для заселения переселенцами земельные участки, которые были <...> пронумерованные от 1 до 21 номера... Из них участок № 1 взяли ходоки села Килеево (Кассель), участок № 2 — ходоки села Сарашлы (Остроленка), участок № 3 — умеровцы и илековцы (Фершампенуаз), № 4 Янаульские (село Париж) и № 8 Нагайбакские (Требий).

Получив генеральные планы на свои земельные участки, ходоки вернулись на старые местожительства. По прибытии ходоков на родину переселенческий коллектив на своём общем собрании обсудив сообщения ходоков о предназначенном

для них земельном участке решил с весны 1842 г. готовить землю и жилища на новом месте... В течение зимы 1841—1842 гг. переселенцы вместе с подготовкой к переселению стали готовиться и к организации прощальных попок. С этой целью как они (переселенцы), так равно и остающиеся на старом месте жительства их родные начали варить пиво и квасить мёд» [ПМА Утешев Ф. М.].

В подтверждения этих сведений в оренбургском государственном архиве обнаружены документы, составленные, правда не казаками, а переселяемыми на новую линию малолетками Саврушенской слободы, Бугурусланского уезда Оренбургской губернии Феклистом Заматаевым, Михайло Чигориным и Трофимом Неклюдовым, которые с «однородцами своими — малолетками в числе 180 душ — возымили желание» поступить в казачье сословие с переселением на Новую линию и выбрали место «по указанию тамошнего местного начальства» о чём «предъявлено» войсковому правлению для того, чтобы «избранное к заселению место не досталось во владение другим таковым же» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 184]. Видимо, это и есть представители от «общества», направленные для выбора места поселения. Правда, в данном случае случилось то, чего опасались Феклист Заматаев с товарищами. Видимо, пока шли согласования, место, показанное им как свободное, оказалось уже назначенным к поселению другой группы и им было предложено «самое ближайшее к просимому» [ГАОО, Ф. 6, Оп. 10, Д. 5273, Л. 223], таким образом, они просились в станицу Новинскую, а получили разрешение поселиться в станице Кульмской. Так же произошло и с представителем белопахотных солдатских малолеток г. Мензелинска Василием Филатовым, который ходатайствовал «о допущении его с товарищами к поселению <...> на второе казачье поселение между речек Большой и Малой Гумбеек» (т. е. в Остроленку), а назначены они были «на № 21 станицу Наваринскую, что в близости того места...» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, Л. 222]

Относительно приведённых в рукописи Ф. М. Утешева дат видно, что автор сам в них сомневается. Логичнее всего предположить, что эти события имели место осенью 1841 г., а активные действия по переселению действительно были начаты весной 1842 г.

Документ от марта 1842 г. гласит, что в 1842 г., ввиду скорого начала полевых работ, переселенцам было дозволено произвести сев и распашку на старых местах, а сено для скота планировалось заготовить уже на новых местах, где и предполагалось зимовать зимой 1842—1843 гг. Для этого

предварительно отправить туда, кого подлежит. Тем, кто по болезни или командировке не смог этого сделать, а впоследствии и тем, чьи сенокосные угодья оказались «сильно потравлены киргизами» (на участке № 8 трава потравлена киргизами, а в № 5 скошена ими же) предоставлялась рассрочка переселения до будущей зимы, но не долее, чтобы они обязаны были прибыть на новую линию следующей весной. Сев 1843 г. все должны были производить уже на новых местах [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 16].

Переселяющимся разрешено было то, что они не могут перевести, продать по их усмотрению, а также до весны 1843 г. «оставить на прежних местах жительства доверенных лиц для охранения и распродажи недвижимого имущества, по неимению в момент переселения покупателей» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 66], т. е. до массового переезда на эти места государственных крестьян, выселявшихся с казачьих земель. Переселявшимся казакам была предоставлена отсрочка от службы на 2 года [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 15], белопахотным солдатам и солдатским малолеткам, переводимым в казаки, на 3 года [Правила о переселении..., с. 31—32].

Вероятнее всего, команды, состоящие из представителей от каждого хозяйства (количество определялось численностью мужчин в каждом хозяйстве) выехали весной 1842 г. для заготовки сена, постройки землянок для зимовки семей и скота, заготовки леса. А к осени в станицы Новолинейного района поехали первые большие группы с семьями.

В записках Ф. М. Утешева содержится очень эмоциональное описание такого события. Хотя он ошибочно датирует его весной 1942 г., оно в реальности могло произойти только осенью. Но мы уже писали выше, что автор явно не знает точных дат (скорее всего, он их не запомнил из рассказов, а может, они и не фигурировали в рассказах) и пытается восстановить свою хронологию событий.

«...Наступил апрель (зачёркнуто) сверху написано март 1842 г. весна удалась тёплая, благоприятная для отъезда переселенцев. В конце апреля (зачёркнуто), сверху написано марта) переселяющиеся в знак вечной разлуки с родными устроили последние прощальные вечера. Гуляли три дня и три ночи подряд. Затем, как только наступил день отъезда на новые места среди переселяющихся и среди их родных началась суматоха, женщины поспешно укладывали в телеги имущество, а мужчины готовили упряжь и лошадей. Старики и старухи, воспользовавшись этой суматохой пошли на могилы прощаться с умершими. Плачу и причитанию об умерших не было конца. Так что одних увели, а некоторых увезли на лошадях. Перед тем,

как обозу тронуться подняли крик, что несколько старух и пожилых женщин нет в обозе. Кинулись их искать. И что же оказалось? <...> Каждая старуха и каждая пожилая женщина в специально сшитый для этого из чёрной материи кошелёк с завалины своего дома насыпали земельки, для того чтобы во время скуки по родине понюхать эту земельку и пролить над ней слёзы. Я помню ещё чёрный кошелёк с земелькой, привезённый моей бабушкой с старого места жительства. На мой вопрос: “Бабушка, что это за кошелёк висит возле печи и что в этом кошелёке?”, она отвечала: “В этом кошелёке я со старины привезла земельку с завалины для того, чтобы разогнать скуку о старине”. В телеги с кладью были запряжены лошади, на вещи посадили стариков, женщин и детей, а мужчины ехали верхами, как погонщики с кнутами в руках и должны были гнать скот. Вот обоз тронулся с места в путь и тут началась такая музыка, что нетерпеливый человек мог бы оглохнуть или сойти с ума: плачь женщин, как уезжающих, так равно и провожающих родных, крик погонщиков, шелкавших кнутами, рёв коров, бляение овец, скрип немазанных колёс издавали раздражающий уши <...> шум. Вот наконец обоз отъехал от деревни 4—5 вёрст, провожавшие переселенцев со слезами на глазах мало-помалу стали отставать, а последними на лошадях, запряжённых в телеги, попрощавшись может в последний раз уехали близкие родственники уезжающих на новые места переселенцев» [ПМА Утешев Ф. М.].

То, что события происходили именно осенью, подтверждается и тем, что чуть ниже автор пишет, что по приезду «...мужчины спаивались по два, по три хозяйства вместе, начали распахивать целинную землю, до которой до сих пор не доходила рука человека. Нужен был тяжёлый и упорный труд, чтобы обзавестись хозяйством, приготовить для посева в будущем году землю» [ПМА Утешев Ф. М.]. Распахивать участки должны были начать высланные вперёд команды, т. к. на новом месте предполагалось произвести сев озимых (в этом районе выращивали в основном озимую рожь) и поднять целину для весеннего сева яровых.

Однако безусловно нельзя утверждать, что переселенцы не были брошены на произвол судьбы. Власти, заинтересованные в скорейшем успешном водворении их на новых местах, стараются всеми возможными средствами помочь и в то же время проконтролировать переселенцев.

Составить представления о мерах поддержки переселенцев и требованиях к ним, составленных чиновниками военного ведомства Российской империи, которые планировали, а затем осуществляли перемещения десятков тысяч лю-

дей разного возраста и достатка с имуществом, сельскохозяйственным инвентарем и домашним скотом на сотни верст на новые не обустроенные места, понимая, что переселение — мероприятие чрезвычайно непростое и затратное даже для состоятельных переселенцев, тем более для малоимущих, можно из разработанного ими работали обстоятельного документа «Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков», речь о котором шла выше.

В правилах детально расписаны этапы переселения, сборные места, сроки выхода, маршруты следования, обеспечение провиантом, медицинской помощью, а также определены лица ответственные за проводимые мероприятия.

Правила обязывали Оренбургского Гражданского губернатора, который, в свою очередь, должен был обязать “градскую и земскую” полицию во время следования «с прежних жительство <...> оказывать содействие, чтобы переселяющие следовали в надлежащем порядке, и чтобы им отводились были безденежно удобные и просторные денные и ночные обывательские квартиры», причем надлежало «склонять обывателей к безденежному их прокормлению» [Правила о переселении..., с. 27]. Выпас лошадей и домашнего скота на общественных пастбищах во время следования переселенцев разрешалось производить бесплатно. Заболевших во время пути «без всякой платы на обывательских подводах» надлежало доставлять в ближайшие города, где полицмейстеры и городничие должны были обеспечить им медицинскую помощь в городской больнице. Лечение оплачивалось «за каждого по пятидесяти копеек в сутки, из Войсковых сумм» [Правила о переселении..., с. 28]. Правила предписывали местным властям оказывать переселяющимся «всякое законное пособие, доброхотство и покровительство» и склонять к этому же обывателей [Правила о переселении..., с. 28].

Несколько раз в разных параграфах документа для калмыков и белопахотных солдат и малолетков настойчиво обращается внимание на обеспечение переселяемых сельскохозяйственным инвентарем, посевным материалом, и даже провиантом «за счет войсковых сумм». Обустройство на новом месте, заготовка строевого леса, места вырубки, необходимое количество стволов и способ доставки леса строго регламентируется и контролируются администрацией. При «устройстве» новых станиц «Правила» требовали возводить дома в «казенных поселениях» (к этому типу были отнесены все казачьи станицы) «по Высочайше утвержденным для казенных селений планам» и в установленном по-

рядке [Правила о переселении..., с. 12, 18]. Прописывались материалы и конструктивные приемы при возведении построек. Калмыкам, несведущим в постройке домов, из Оренбургской, Симбирской и Нижегородской губерний рекомендовано было заблаговременно вызвать плотников и пильщиков для производства работ, которые оплачивались из войсковых сумм калмыцкого войска [Правила о переселении..., с. 18].

Согласно официальным документам переезд казаков внутренних кантонов окончательно завершился к июню 1844 г., когда было сообщено, что все семейства выехали и станицы Бакалинская, Нагайбакская, Табынская, Елдяцкая, Уфимская, Бузулукская, Сорочинская, Елшанская, Борская, Красносамарская, Мочинская, Тоцкая, Самарская, Алексеевская упразднены совершенно [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 418].

К этому же времени по плану должно было завершиться и начавшееся с мая 1843 г. переселение казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, которые были присоединены к Оренбургскому войску и «со всеми семействами переселены во все полки ОКВ на Новой линии расположенные» [ПСЗ II, т. XVII, отд. 1 15677]. Всего предполагалось к переселению калмыков 777 семейств, 1743 души мужского пола [Правила о переселении..., с. 4]. Калмыки были вкраплены среди русского населения.

Для солдат и малолетков окончательный срок переселения был обозначен 1 января 1845 г., а затем некоторым было разрешено остаться ещё до весны [ГАОО, Ф. 6, Оп. 10, Д. 5273, Л. 418].

Происхождение населения Новолинейного района из разных сословных групп также зафиксировано в микротопонимии посёлков: части п. Наследницкий до недавнего времени назывались «казаки» и «солдаты» [ПМА Звездин П. И.].

В дальнейшем столь масштабных акций по формированию населения ОКВ не предпринималось. Однако согласно положению указа 1832 г., ещё раз утверждённому в Положении об ОКВ 1840 г. командиру отдельного оренбургского корпуса было предоставлено право «... принимать в Оренбургское казачье войско и поселять на предоставленных оному землях всех казённых крестьян и других податного состояния людей, уволенных от мест прежнего жительства, для водворения в Оренбургской губернии, доколе состав войска и пространство назначаемых ему земель могут представлять необходимость в умножении народонаселения» [ПСЗ II, т. XV, № 14041].

Свободных пространств «назначенных ему земель» хватило ОКВ до конца существования. Это дало возможность на протяжении всей дальнейшей

истории продолжать строительство новых населённых пунктов на землях ОКВ и включения новых групп населения в его состав, хотя уже не столь масштабное.

Список литературы.

1. Абрамовский, А. П. Оренбургское казачье войско в трех веках / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов. Челябинск : Челяб. гос. унт, 1999.
2. Атнагулов, И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика / И. Р. Атнагулов. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015.
3. Белорусова, С. Ю. Ушедшие в ислам: этноистория южной группы нагайбаков / С. Ю. Белорусова // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 45—58.
4. Казин, Х. В. Казачьи войска. Краткая хроника / Х. В. Казин ; под ред. В. К. Шенка. Москва : Дорваль, 1992.
5. Кортунюв, А. И. Создание Новоилецкого района Оренбургского казачьего войска и особенности его заселения в первой половине XIX века / А. И. Кортунюв // Известия самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 5. С. 12—18.
6. Новикова, О. В. Традиционная одежда оренбургских казаков. На службе и в быту / О. В. Новикова, А. А. Рыбалко, Г. Х. Самигулов, С. Н. Кучевасова. Екатеринбург : Центр традицион. народ. культуры Сред. Урала ; Челябинск : Гос. истор. музей Юж. Урала, 2018.

Список ПМА (Полевые материалы авторов)

Полевые дневники А. А. Рыбалко, О. В. Новиковой

Интервью информантов.

1992 год

- п. Рымникский Брединского района Челябинской области
Ковалевская Мария Дмитриевна, 1913 года рождения
п. Полоцкий Кизильского района Челябинской области
Ложкарева Степанида Ефимовна, 1905 года рождения

1993 год

- с. Измайловское Кизильского района Челябинской области
Крюкова Анастасия Демьяновна 1913 года рождения

1994 год

- п. Кацбахский Кизильского района Челябинской области
Плотникова Марфа Ивановна, 1911 года рождения
Ложкина Ксения Фёдоровна, 1909 года рождения
п. Наследницкий Брединского района Челябинской области
Звездин Пётр Иванович, 1919 года рождения

1996 год

- с. Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области
Маметьев Алексей Михайлович, 1923 года рождения
с. Остроленка Нагайбакского района Челябинской области
Леонтьева Вера Григорьевна

2002 год

- п. Смеловский Верхнеуральского района Челябинской области
Воротинцева Зинаида Васильевна, 1908 года рождения

Рукописи краеведческих записок:

- п. Кассельский Нагайбакского района
Утешев Ф. М. 1880 года рождения, записи сделаны автором в 1950—1960 е гг.

Сведения об авторах

Рыбалко Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *rybalko.andr@gmail.com*

Новикова Ольга Владимировна — заведующий Лабораторией исторической реконструкции Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинск, Россия

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 82—94.

Settlement of the Novolineiny district of the Orenburg cossack army in official documents and in historical memory

A.A. Rybalko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, rybalko.andr@gmail.com

O.V. Novikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The 1830s — 1840s were an extremely important stage in the history of the Orenburg region. This period witnessed the construction of the New Orenburg border line, the establishing of the Novolineiny district and the reform of the Orenburg Cossack Army, as a result of which a single territory of the Orenburg Cossack Army was formed with a predominantly Cossack population.

There are a lot of studies about the history of the Novolineiny district development. Most of them are based on the documentary sources of official origin. However, we consider that understanding the real situation is impossible without analyzing such an important source as historical memory. It was formed on the oral stories of the events participants and preserved in the memory of descendants.

This article attempts to get a real picture of the events on the base of a comparison of written sources, mostly compiled by officials who carried out the resettlement and oral stories of the settlers, preserved in the historical memory of their descendants.

Keywords: *Orenburg Cossack army, New border line, historical memory, documentary sources.*

References

1. Abramovskij A.P. Kobzov V.S. *Orenburgskoe kazach'e vojsko v treh vekah* [Orenburg Cossack army in three centuries] Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1999. (In Russ.).
2. Atnagulov I.R. *Identichnosti nagajbakov: genezis, struktura. Dinamika*. [Identities of Nagaybaks: Genesis, Structure. Dynamics]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, 2015. (In Russ.).
3. Belorusova S.Yu. Ushedshie v islam: jetnoistorija juzhnoj gruppy nagajbakov [Those who have gone to Islam: the ethnic history of the southern group of Nagaybaks]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashensky historical review], 2016, no. 1, pp. 45—58. (In Russ.).
4. Kazin H.V. *Kazach'i vojska. Kratkaja hronika*. [Cossack troops. Brief Chronicle]. Moscow, Dorval', 1992. (In Russ.).
5. Kortunov A.I. Sozdanie Novoileckogo rajona Orenburgskogo kazach'ego vojska i osobennosti ego zaselenija v pervoj polovine XIX veka [Creation of the Novoiletsky district of the Orenburg Cossack army and the features of its settlement in the first half of the XIX century]. *Izvestija samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 5, pp. 12—18. (In Russ.).
6. Novikova O.V., Rybalko A.A., Samigulov G.H., Kuchevasova S.N. *Tradicionnaja odezhda orenburgskih kazakov. Na sluzhbe i v bytu*. [Traditional clothes of the Orenburg Cossacks. In the service and at home]. Ekaterinburg, Centr tradicionnoj narodnoj kul'tury Srednego Urala, Gosudarstvennyj istoricheskij muzej Yuzhnogo Urala, 2018. (In Russ.).

Spisok PMA (Polevye materialy avtorov)
Polevye dnevniki A.A. Rybalko, O.V. Novikovej

Interv'yu informantov:

1992 god

p. Rymnikskij Bredinskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Kovalevskaja Marija Dmitrievna, 1913 goda rozhdenija
p. Polockij Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Lozhkareva Stepanida Efimovna, 1905 goda rozhdenija

1993 god

s. Izmajlovskoe Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Krjukova Anastasija Dem'janovna 1913 goda rozhdenija

1994 god

p. Kacbahskij Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Plotnikova Marfa Ivanovna, 1911 goda rozhdenija
Lozhkina Ksenija Fjodorovna, 1909 goda rozhdenija
p. Naslednickij Bredinskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Zvezdin Pjotr Ivanovich, 1919 goda rozhdenija

1996 god

s. Fershampenuaz Nagajbaskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Mamet'ev Aleksej Mihajlovich, 1923 goda rozhdenija
s. Ostrolenka Nagajbaskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Leont'eva Vera Grigor'evna,

2002 god

p. Smelovskij Verhneural'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Vorotinceva Zinaida Vasil'evna, 1908 goda rozhdenija

Rukopisi kraevedcheskih zapisok:

p. Kassel'skij Nagajbaskogo rajona
Uteshev F.M. 1880 goda rozhdenija, zapisi sdelany avtorom v 1950 — 1960 e gg.